

Д. С. Гречко

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА ДЖАН-БАБА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

В статье публикуются данные о первых раскопках городища Джан-Баба в Северо-Западном Крыму. Описываются и анализируются строительные остатки и артефакты, полученные при исследовании слоев раннеримского времени (второй половины I — начала II вв. н. э.).

Ключевые слова: хора Херсонеса, позднекифские городища, Северо-Западный Крым, эллинизм, раннеримское время.

Городище Джан-Баба расположено западнее с. Марьино (бывшее Джан-Баба) Черноморского р-на АР Крым. Укрепление размещается на лессовом останце обтекания высотой до 16,5 м над уровнем моря, окруженного с напольной стороны балками (рис. 1; 2). В настоящее время его наибольшая длина вдоль берегового обрыва — 90 м, а ширина — 30 м. Площадь городища составляет 0,27 га. Южная часть памятника уничтожена морем. Юго-западнее и северо-западнее городища через балку расположены позднекифские поселения.

Древнее поселение служило «каменоломней» для расположенной рядом деревни Джан-Баба Тарханского кадылыка Козловского каймаканства, которое впервые упоминается в источниках в 1784 г. [Лашков, 1888, с. 54]. Впервые территория памятника была осмотрена в 1933 г. экспедицией ГАИМК и Евпаторийского музея под руководством П.Н. Шульца при археологическом обследовании Евпаторийского района. Был составлен план и разрезы городища. Памятник был охарактеризован как городище с могильником, но без поселения [Шульц, 2010, с. 20—21].

В 1958 г. колхозник Н.Л. Свиначев сообщил в Симферопольский областной музей о том, что

© Д.С. ГРЕЧКО, 2015

в с. Марьино хранится плита с изображением. На место находки выехали П.Н. Шульц и А.Н. Щеглов. Исследователям удалось выяснить, что надгробный рельеф был обнаружен в 1938 г. при распашке кургана (высота 0,6,

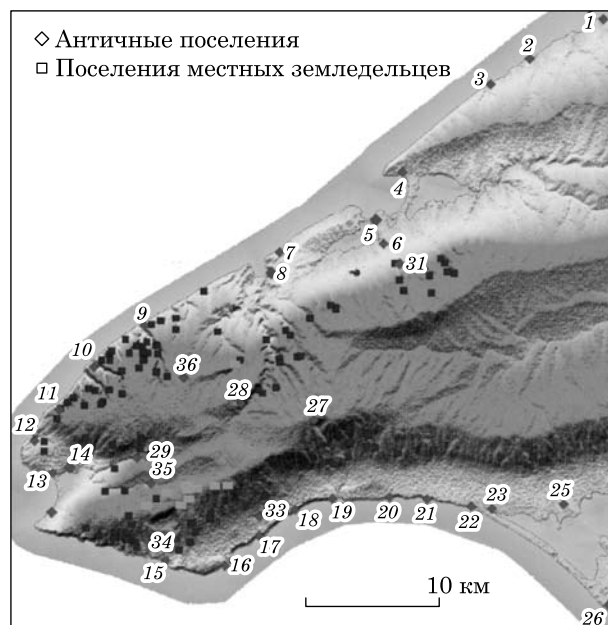

Рис. 1. Поселения эллинистического времени Тарханкутского полуострова: 1 — Маслины; 2 — Брунели; 3 — Скалистое; 4 — Межводное; 5, 6 — Панское; 7 — бухта Ветренная; 8 — Калос Лимен; 9 — Кипчак; 10 — Большой Кафель; 11 — Джангуль; 12 — Очеретай-Южное; 13, 14 — Караджинское городище и усадьба; 15 — Меловое; 16 — Ойрат; 17 — Джан-Баба; 18 — Ак-Сарай; 19 — Тарпанчи; 20 — Джага-Кульчук; 21 — Кульчук; 22 — Беляус; 23 — Западно-Донузлавское; 25 — Озеровка; 26 — Поповка (по: [Смекалова, 2011])

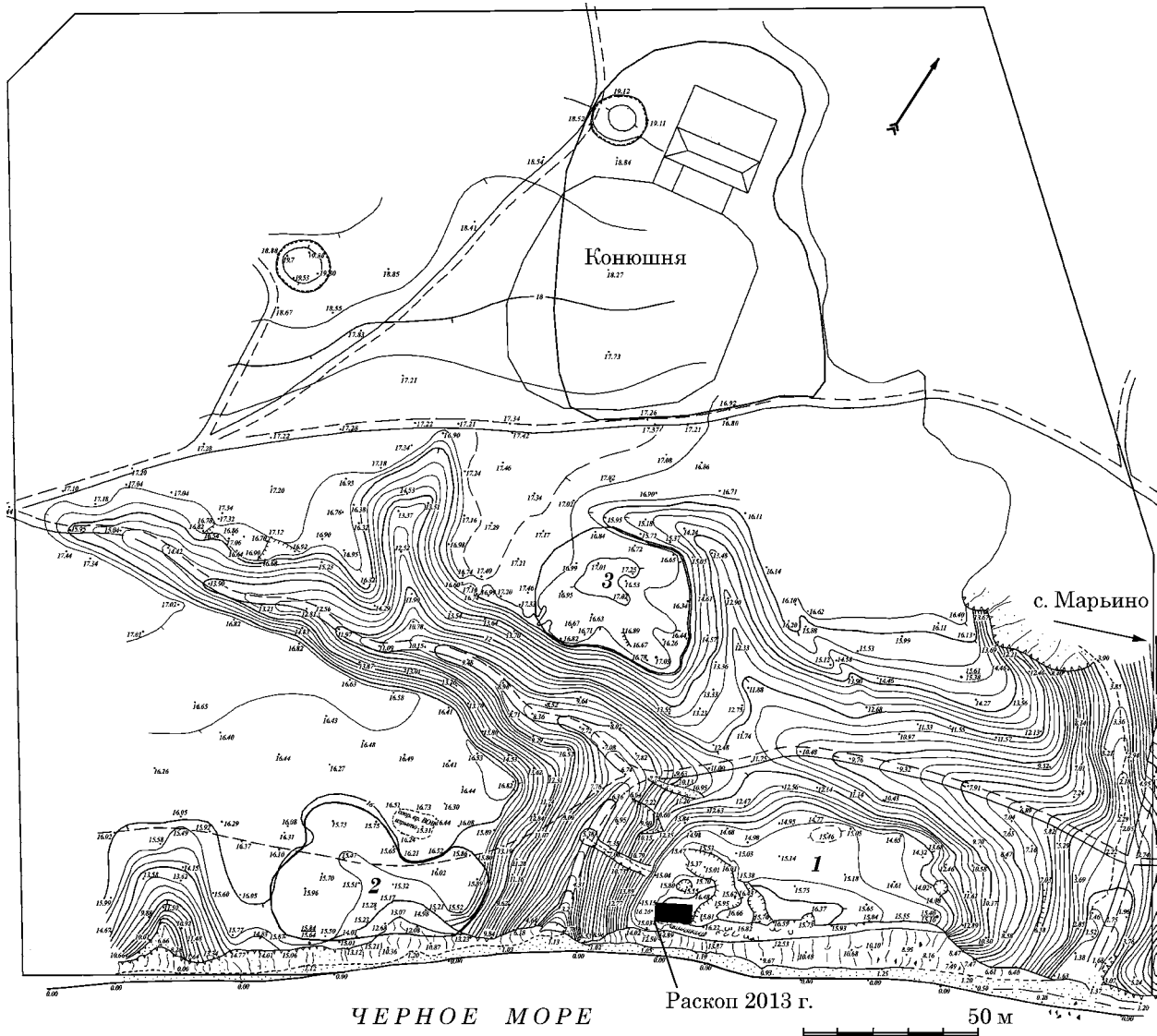

Рис. 2. Комплекс памятников у с. Марьино Черноморського р-на АРК: 1 — городище Джан-Баба; 2, 3 — селища

диаметр 9 м) на могильнике, который располагался на север от городища Джан-Баба. Рельеф был предположительно датирован рубежом II—III вв. н. э. [Шульц, 1963, с. 3—10; Соломоник, 1963, с. 10—15].

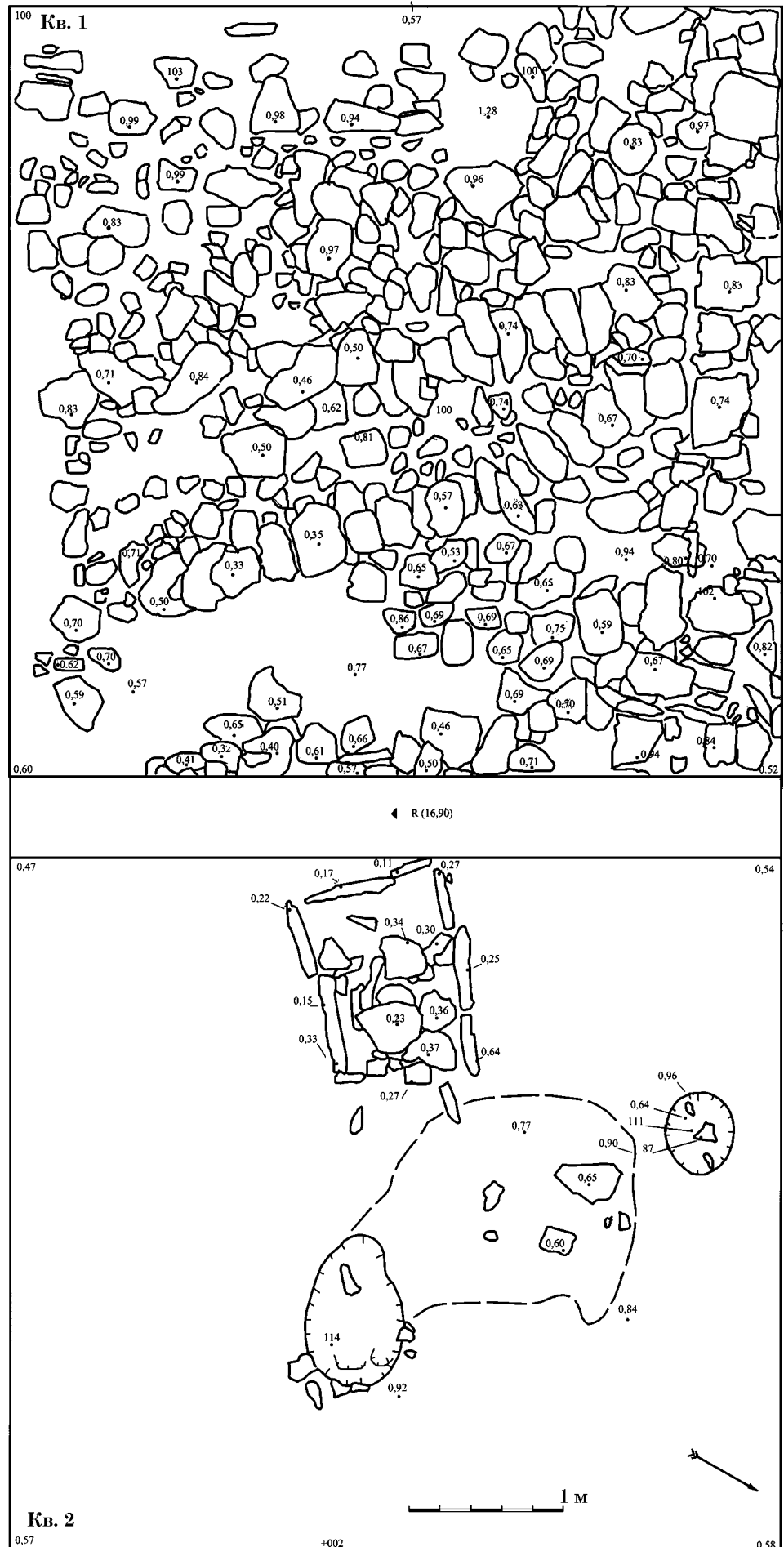
Находка надгробной плиты послужила катализатором процесса возобновления изучения памятников южного побережья Тарханкутского полуострова. В 1959 г. А.Н. Щеглов осмотрел городище, два поселения (юго-западное, северо-западное) и могильник. Исследователь подготовил общий план комплекса, описание кладки. Собранный подъемный материал был датирован достаточно широко: от III—II вв. до н. э. до III—IV вв. н. э. [Щеглов, 1961, с. 71, 77; 1978, с. 35, 39—40; 1985, с. 3].

В 2002 г. работы на городище по подчистке, обмерам и фотофиксации прибрежных кладок производились отрядом Западно-Крымской экспедиции Крымского филиала ИА НАН Украины под руководством С.В. Приднева

[Приднева, 2004, с. 50—54]. В 2009 г. Донзулавская экспедиция ИА НАН Украины (начальник С.Б. Ланцов) провела обследование земельных участков общей площадью 10 га на территории предполагаемого могильника. Данные работы с использованием геофизической разведки и шурфовка позволили уточнить северную границу комплекса [Ланцов, 2009].

В мае 2010 г. под руководством Т.Н. Смекаловой на городище была проведена магнитная съемка всей площади укрепления, кроме сильно разрушенной юго-западной части. На магнитных картах удалось проследить контур большого прямоугольного каменного строения, которое было предположительно интерпретировано как усадьба херсонесского типа. Также было допущено, что в юго-западной части городища, сильно разрушенной окопами военного времени, располагалась башня [Смекалова, 2011, с. 150—152].

Рис. 3. План раскопа на городище Джан-Баба

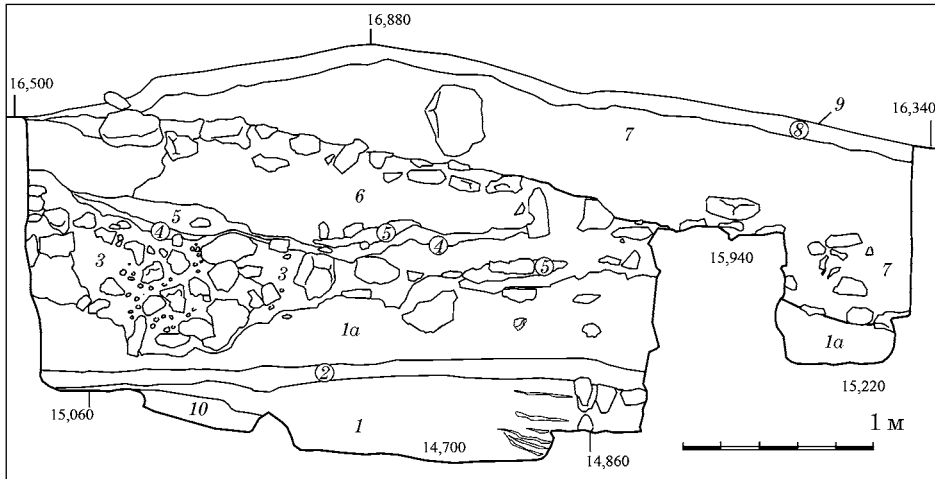

Рис. 4. Стратиграфія раскопа. Северо-восточный фас центральной бровки: 1 — сырец с примесью золы; 1а — сырец; 2 — пол глинобитный; 3 — золистый слой с буттом и ракушками улиток; 4 — слой горения; 5 — пепел; 6 — затечный слой в золе (темный гуммированный суглинок); 7 — гуммированный рыхлый суглинок с примесью золы; 8 — светло-коричневый рыхлый суглинок; 9 — дерн; 10 — трамбовка под вымостку (серая глина)

Можно констатировать, что разведывательные работы на городище были проведены в достаточном объеме, а прогрессирующее разрушение берега и отсутствие данных, полученных в результате раскопок, обусловили необходимость начала полномасштабных исследований.

* * *

В июле—августе 2013 г. Марьинская экспедиция ИА НАН Украины под руководством автора начала раскопки городища Джан-Баба (рис. 1; 2)¹. Необходимость работ была обусловлена усилившейся в последние годы береговой эрозией. В 2002 г. в береговом обрыве была зафиксирована кладка, которая постепенно разрушалась [Приднев, 2004, с. 53]. Было решено разбить линию квадратов со стороной 5 м вдоль линии обрыва, а не ориентировать ее по сторонам света.

В юго-западной части городища был заложен раскоп площадью 50 м², который состоял из квадратов № 1 и 2 (рис. 2; 3). Стратиграфия в квадратах 1 и 2 следующая (рис. 4).

1. Основу экспедиции составляли студенты исторического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Активное участие в полевых исследованиях принимал А.И. Черненко. Чертежи выполнены старшим научным сотрудником Музея истории Киева Д.Н. Пефтицом и доцентом Харьковского национального университета строительства и архитектуры, кандидатом архитектуры И.А. Снытко. Рисунки находок выполнены Д.Н. Пефтицом и студенткой ХНУ — К.В. Редл. Неоценимую помощь в организации и проведении экспедиции оказали начальник Донузлавской экспедиции КФ ИА НАН Украины, к. и. н. С.Б. Ланцов и доцент, к. и. н. В.П. Власов. Для организации быта лагеря большое значение имело содействие дирекции и сотрудников КРУИАЗ «Калос Лимен» (директор З.И. Пысач), которым мы признательны за помощь. Приносим благодарность Д.В. Поспелову за предоставление возможности использовать материальную базу его экспедиции.

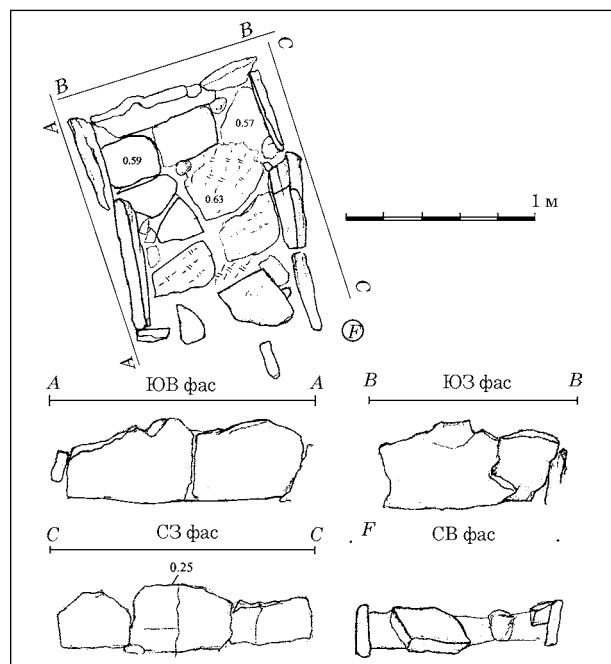

Рис. 5. «Каменный ящик» (маяк 1941—1943 гг.).

Слой 1. Под дерном располагался слой светло-коричневого продернованого суглинка мощностью около 0,1 м, фактически лишенный находок. Верхняя часть данного слоя образовалась вследствие надува грунта (пыль) со степи, что наблюдалось и на протяжении полевого сезона. В квадрате 2 верхний слой перекрыт отвалом из румынского окопа 1941—1943 гг. мощностью 0,2 м. Ниже располагался слой светло-коричневого суглинка мощностью 0,15 м, аналогичный верхнему слою в квадрате 1.

В данный слой (квадрат 2) с уровня горизонта 1941—43 гг. был впущен «каменный ящик» (очаг или маяк) времен Второй мировой войны (рис. 5). Сооружение прямоугольное в плане. Стенки сооружены из орфостатно поставленных плит. Дно было выложено плоскими каменными плитами без дополнительной обработки и обмазано глиной. Заполнение золистое. Нахо-

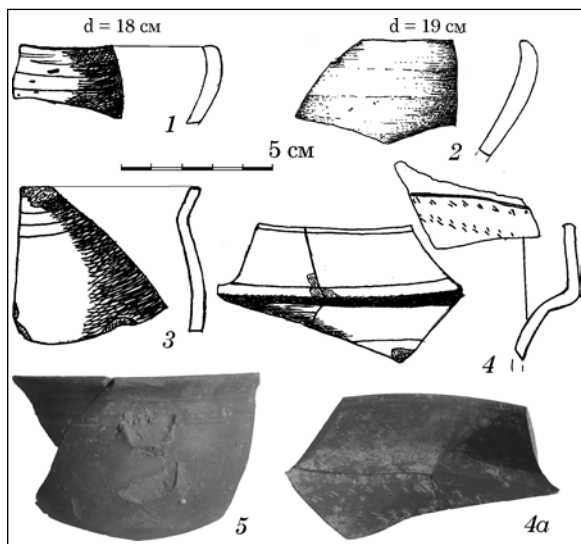

Рис. 6. Фрагменты краснолаковых сосудов

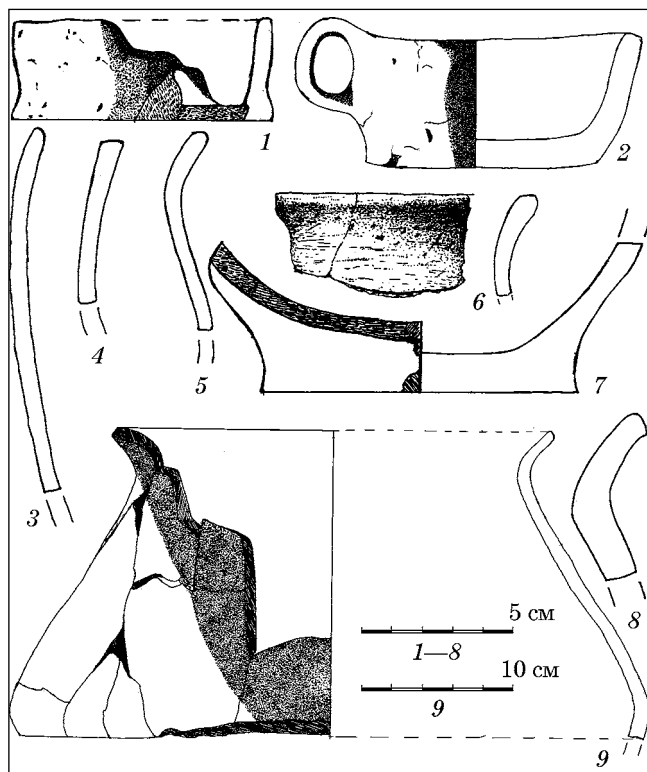

Рис. 7. Лепные сосуды и их фрагменты

док не выявлено. Отсутствие пищевых отходов и расположение в самой высокой точке берега, позволяет предполагать, что данный объект использовался в качестве маяка. С северо-восточной стороны были также прослежены выбросы золы из данного объекта.

Материалы из верхнего слоя представлены стенками красноглиняных амфор (11 фр.), стенками (3 фр.) и фрагментом горла узкогорлой светлоглиняной амфоры, одним фрагментом стенки коричневоглиняной амфоры, фрагментами венчика гончарной миски, дна кувшина и лепного сосуда. Выделяется фрагмент бортика краснолаковой полусферической миски (рис. 6, 2).

Слой 2. Ниже располагается слой серого рыхлого суглинка с примесью золы мощностью 0,35—0,4 м (гл. 0,1—0,5 м²). Находки представлены стенками красноглиняных (6 фр.), светлоглиняных (3 фр.) и коричневоглиняных (1 фр.) амфор. Лепная посуда представлена фрагментом венчика (рис. 7, 6) и стенкой. Кроме того, найдено несколько костей животных³.

В целом верхние слои слабо насыщены находками. Строительных остатков не обнаружено.

Слой 3. Под суглинистым слоем был расчищен завал камней мощностью 0,7—0,9 м, представленных мелким, средним и крупным известняковым бутом, плитами, рванными по слою

без дополнительной обработки (рис. 3). Среди камней массово встречены панцири виноградных улиток, что говорит о том, что руины укрепления были заброшены и разрушались под действием природных факторов. Завал связан с разрушением верхней части кладки № 1, которая обвалилась в сторону моря (рис. 4). Среди камней завала был обнаружен вторично использованный фрагмент обработанного строительного блока эллинистического времени (рис. 8).

Строительные остатки. При разборе завала камней были зафиксированы остатки клад-

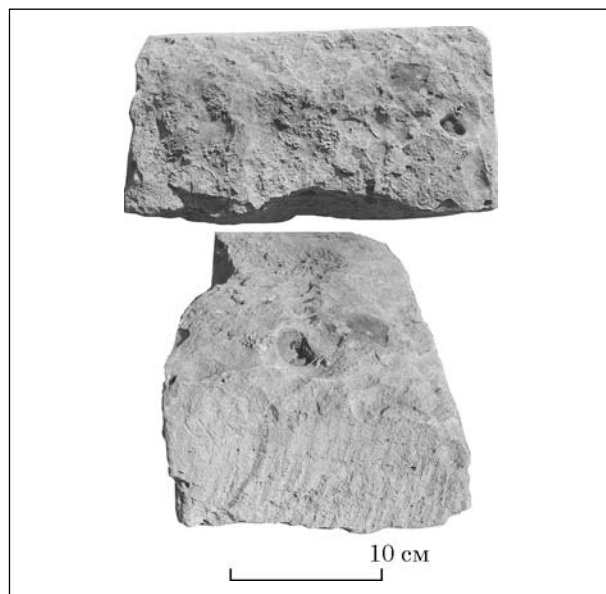

Рис. 8. Фрагмент заготовки каменного блока эллинистического времени из завала камней в квадрате 1

2. Все глубины приводятся от репера (высота 16,9 м от уровня Балтийского моря).

3. См. статью А.В. Марковой в данном сборнике, которой были произведены определения костей животных из раскопок городища Джан-Баба.

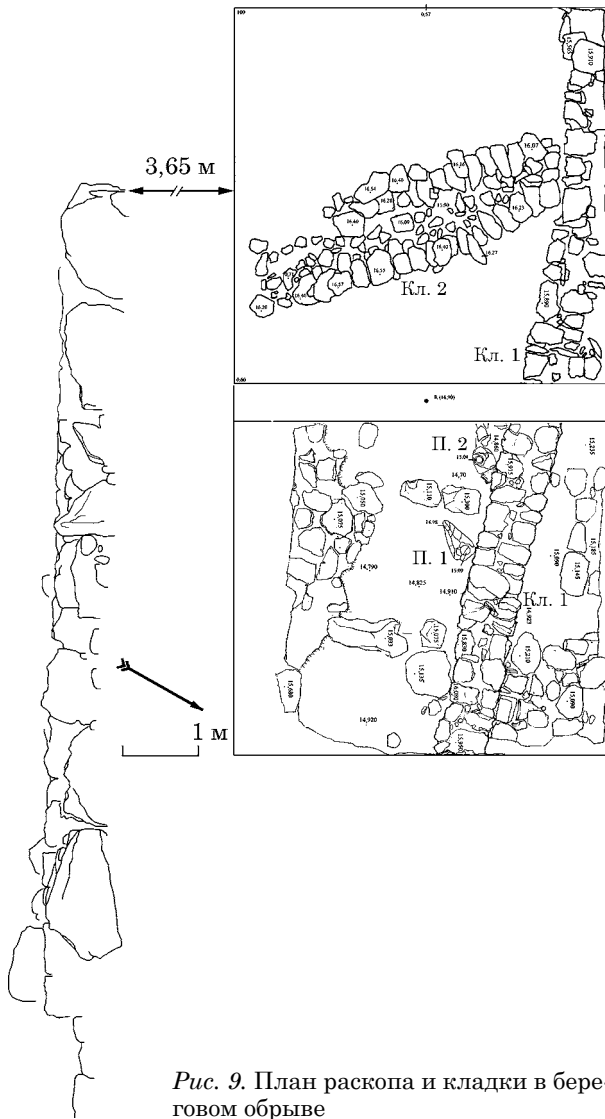

Рис. 9. План раскопа и кладки в береговом обрыве

ки № 2. Кладка трехслойная, двухпанцирная, (рис. 9). Пространство между двумя лицевыми слоями плоских плит без дополнительной обработки было заполнено мелким известняковым бутом. Камни внешних слоев уложены «елочкой». Кладка сохранилась в один ряд.

Слой 4. Под завалом камней и кладкой 2 зафиксирован слой сырца мощностью 0,35—0,4 м (рухнувшие глинобитные стены или кровля) (гл. 1, 2—1,55 м), который располагается на глинобитном полу толщиной 0,08—0,1 м (рис. 4). Поверх уровня пола зафиксирована прослойка угольков и пепла мощностью 0,02—0,05 м.

Слой насыщен находками, которые представлены венчиком и стенками красноглиняных амфор (35 фр.), фрагментом тулова (квадрат 1) и развалом горловины с двумя ручками синопской амфоры типа Син II (квадрат 2) (рис. 10, 1), стенками светлоглиняных (5 фр.) и синопских (71 фр.) амфор, а также четырьмя фрагментами коричневоглиняных амфор производства Колхиды. Найдены два краснолаковых фрагмента кубка с прилепом ручки (рис. 6, 3,

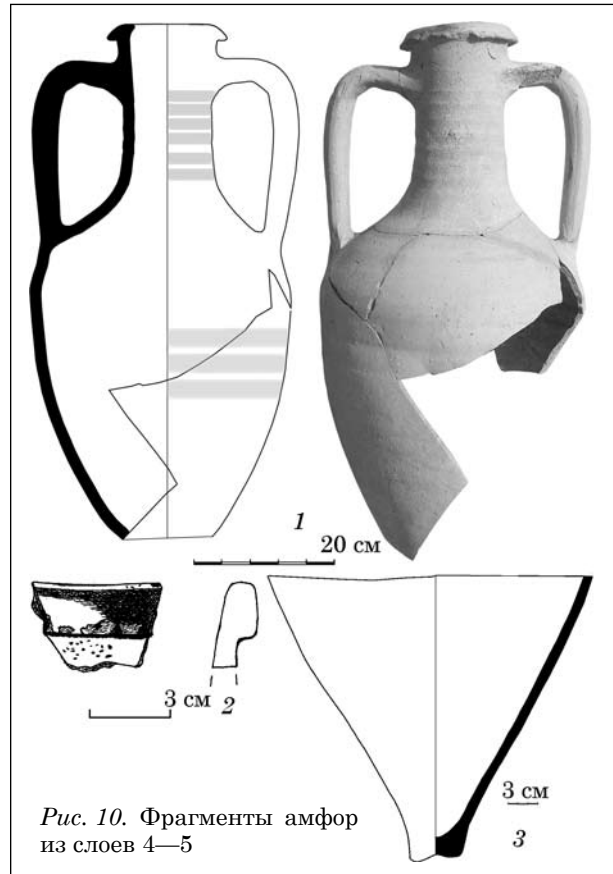

Рис. 10. Фрагменты амфор из слоев 4—5

5), бортик полусферической миски (рис. 6, 1) и стеночки (7 фр.).

Лепная посуда представлена фрагментами венчиков (8 фр.), стенок (94 фр.) и двух доньшек (рис. 7, 3—5, 7). В слое сырца, на глинобитном полу, *in situ* зафиксированы развал верхней части биконического лепного горшка с отогнутым венчиком (рис. 7, 9), лепной светильник с петлеобразной ручкой (рис. 7, 2), восемь лепных чаш на высоких усеченно-конических полых ножках-подставках (рис. 11, 1—8), одна из них имеет квадратное сечение ножки (рис. 11, 3) и половина лепной «пиксиды» с низким бортиком (рис. 7, 1).

Выделяется находка щитка краснолакового светильника, украшенного розеткой и поясом ов (рис. 12) и фрагмент стеклянного сосуда с валикообразным краем (рис. 13, 4). Из индивидуальных находок стоит отметить железный трехлопастный черешковый наконечник стрелы⁴ (рис. 13, 1), четырехгранный железный стержень (наконечник стрелы?) (рис. 13, 2), фрагмент бортика бронзового зеркала с валикообразным утолщением по краю (рис. 13, 3) и половину лепного биконического пряслица (рис. 13, 6). С западной стороны от кладки 2 был найден череп лошади, вблизи которого лежала нижняя челюсть. Были также обнаружены кости животных.

4. Наконечник стрелы был найден в квадрате 2 среди камней внутренней стороны кладки, на уровне вымостки двора усадьбы из необработанного известнякового буттового камня.

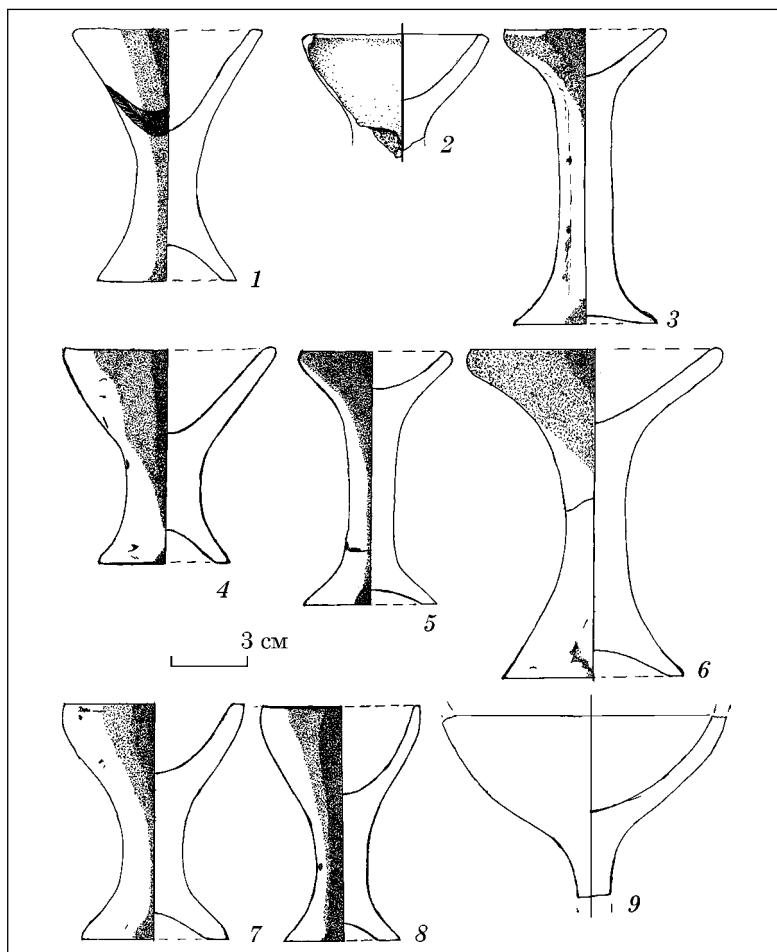

Рис. 11. Лепные чашки

Рис. 12. Фрагмент щитка краснолакового светильника

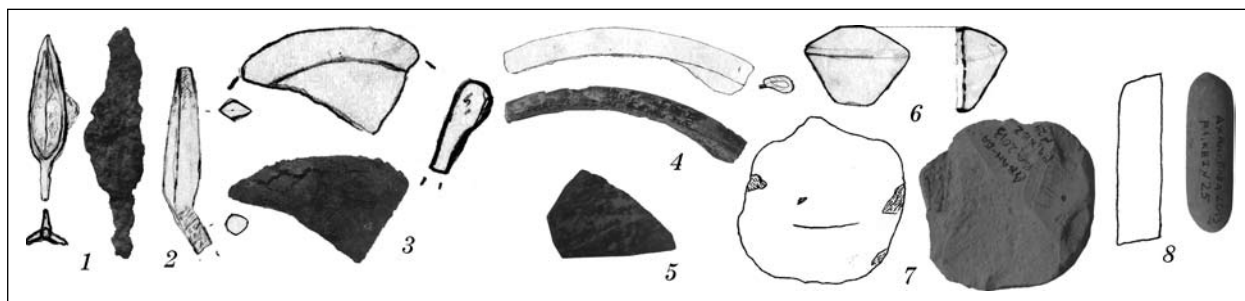
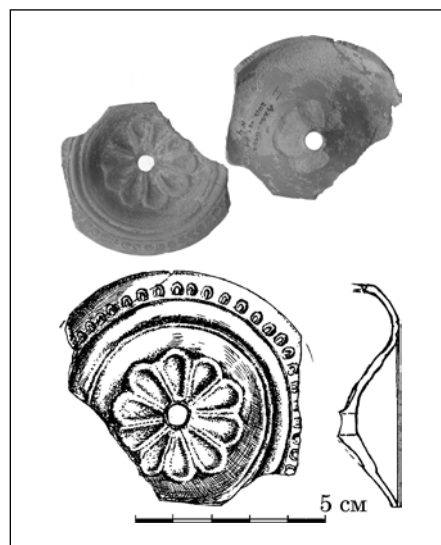

Рис. 13. Индивидуальные находки из раскопа на городище Джан-Баба (1, 2 — железо; 3 — бронза; 4 — стекло; 5—8 — керамика)

Строительные остатки. Была расчищена часть кладки 1, которая проходит вдоль северного борта раскопа (рис. 9). Кладка трехслойная, двулицевая, постелистая, иррегулярная с элементами регулярности (местами наблюдается соблюдение порядовки) (рис. 14; 15). Промежутки между крупными камнями заполняются более мелкими. Подмазка стен глиной не зафиксирована. Жилой уровень, к которому относится сооружение кладки, еще не раскрыт. С северной стороны к кладке № 1 примыкает каменная вымостка, вероятно, внутреннего двора усадьбы.

Глинобитный пол и вышележащий сырцовый слой с вымосткой с внешней стороны кладки 1 (внутренний двор усадьбы) составляют единый жилой горизонт.

Слой 5. Под полом залегает слой суглинка с примесью сырца и золы темно-серого цвета мощностью 0,35—0,5 м (гл. 1,55—2,5 м). Слой насыщен находками.

Были найдены ручка и стенки красноглиняных амфор (13 фр.), стенки светлоглиняных (26 фр.) и синопских (21 фр.) амфор. Встречены фрагменты красноглиняных херсонесских кувшинов (9 фр.). Краснолаковая посуда представлена бортиком чаши с врезным пояском из насечек (техника «roulting») (рис. 16, 4) и пятью стеночками. Из слоя происходит обточенная стенка амфоры (рис. 13, 7) и керамическая поделка цилиндрической формы (рис. 13, 8). Стоит отметить находку фрагмента чернолакового сосуда раннеэллинистического времени (рис. 13, 5).

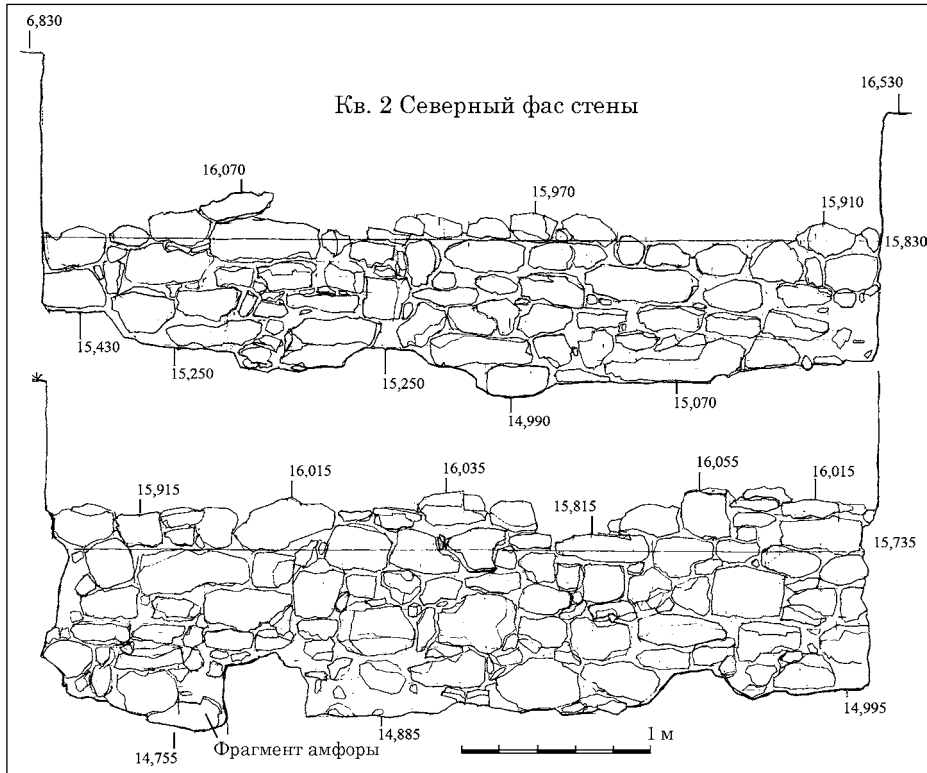

Рис. 14. Фассировка кладки 1 в квадрате 2

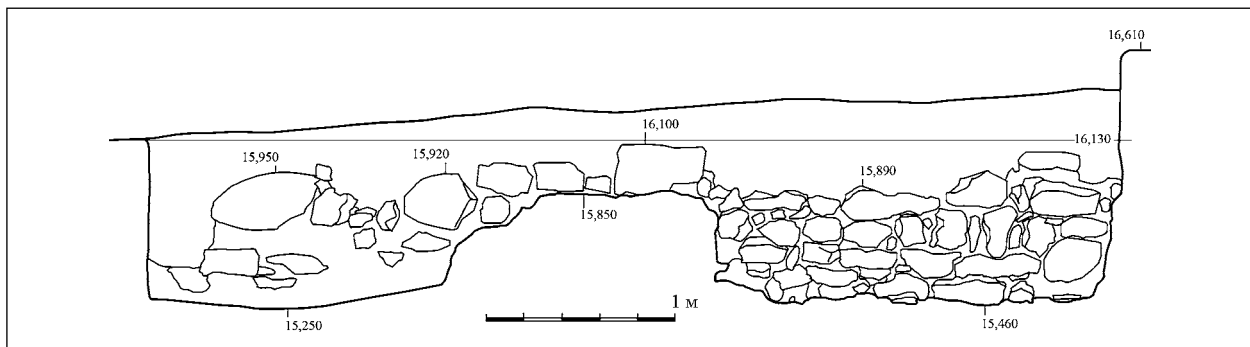

Рис. 15. Фассировка кладки 1 в квадрате 1

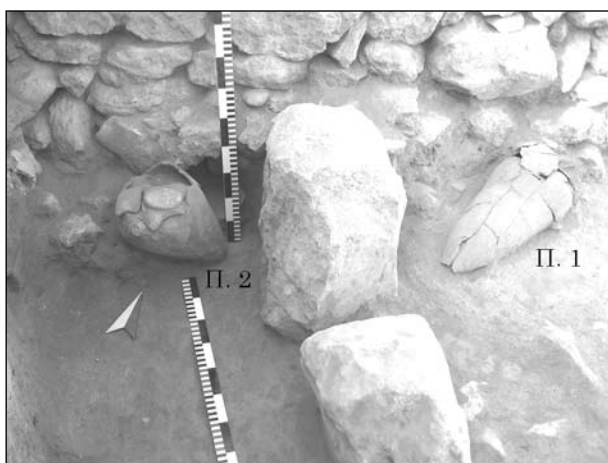

Рис. 16. Фото погребений № 1 и 2

Лепная посуда представлена венчиком (рис. 7, 8) и 43 стеночками, из которых две лощенные. Найден также фрагмент кубка на по-

лой конической ножке-подставке (рис. 11, 9). Кроме того, обнаружено значительное количество костей животных.

В этом слое у кладки 1 под глинобитным полом помещения было расчищено два захоронения младенцев в колхидской и красноглиняной (Боспор или Херсонес?) амфорах, которые были прислонены к стене (рис. 16).

Погребение № 1. Обнаружено у южного фаса кладки 1 (рис. 17). Совершено в коричневоглиняной амфоре производства Колхиды (рис. 17, 1), у которой в древности были отбиты горловина и доньшко. Через верхнее отверстие, которое располагалось ближе к кладке, в амфору на органическую подстилку было положено вытянуто на спине тело новорожденного⁵. Скелет новорожденного, представлен в полном объеме. Сохранность хорошая, консистенция костей удов-

5. Определения П.Е. Викторовой, которой я признателен за помощь.

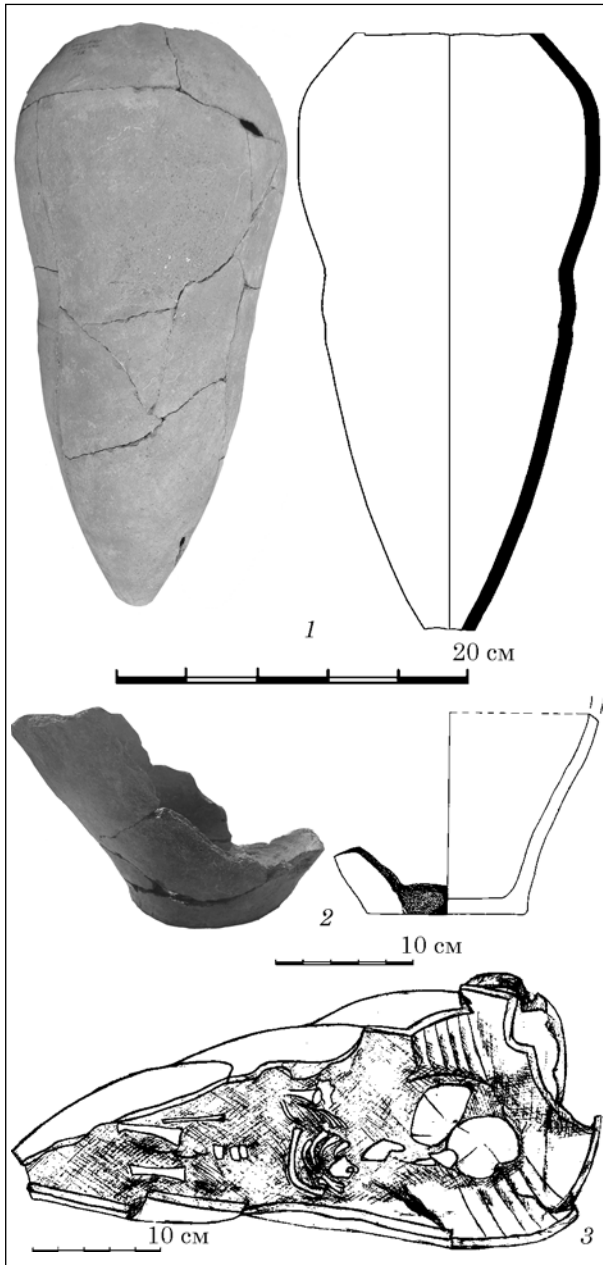

Рис. 17. Погребение 1

летворительная. Все кости черепа, не сросшиеся между собой, роднички открыты. Позвонки не сросшиеся. Эпифизы длинных костей не приросли. Все зубы в закладках. Возраст 38—40 недель. Пол определить невозможно. Отверстие было закрыто нижней частью лепного горшка (рис. 17, 2) перевернутого вверх дном. Погребение безинвентарное. По мнению С.Ю. Внукова, данную амфору невозможно датировать уже чем конец II в. до н. э. — начала II в. н. э.⁶

Погребение № 2. Расположено к западу от погребения № 1. Захоронения разделяет крупный камень, стоящий орфостатно (рис. 16, 12). Красноглинная амфора производства Боспора

6. Хочу выразить благодарность специалисту за консультации.

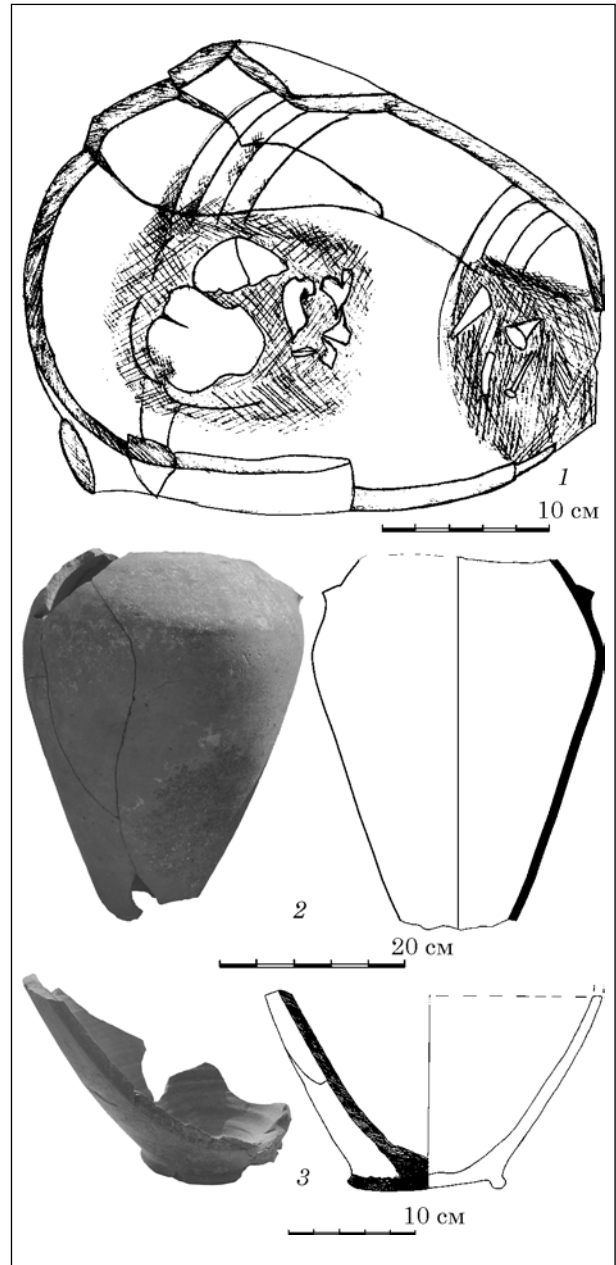

Рис. 18. Погребение 2

или Херсонеса (рис. 18, 2) стояла вертикально с наклоном к западу, опираясь на кладку 1. У амфоры были в древности отбиты горло и днище. Костяк новорожденного сместился к донному отверстию и его первоначальное положение определить не удастся. Представленность скелета новорожденного <25%. Сохранность хорошая, консистенция костей удовлетворительная. Сохранены париетальные кости черепа, фрагменты длинных костей, пирамиды височных костей. Сверху амфора с погребением была перекрыта нижней частью синопской амфоры типа Син IVA перевернутой вверх дном (рис. 18, 3). Погребение безинвентарное. В непосредственной близости от погребения из кладки 1 был удален (?) камень, а вместо него в отверстие вмонтирована нижняя часть лепного сосуда.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ О СТРУКТУРЕ УКРЕПЛЕНИЯ

Вдоль линии обрыва С.В. Придневым в 2002 г. была зафиксирована циклопическая кладка, по технике создания аналогичная кладке 1. Кладка сохранилась по береговому обрезу на длину 12,35 м (рис. 9; 19). Она состоит из двух рядов плоских бутовых камней с грубо обработанными гранями, уложенных в постелистой регулярной технике, общей высотой около 1 м. Регулярность её не выдержана строго, промежутки между крупными (до $1,0 \times 0,8 \times 0,6$ м.) камнями верхнего ряда заполняются более мелкими ($0,3 \times 0,4 \times 0,2$ м) [Приднев, 2004, с. 53—54].

Наличие каменного вала, зафиксированного П.Н. Шульцем [Шульц, 1941, с. 272] и не признанного А.Н. Щегловым [Щеглов, 1978, с. 65] остаётся дискуссионным. Лишь верхняя часть западного склона укрепления (на длину 21 м, при ширине не более 2,5 м) покрыта довольно плотным слоем необработанных камней, что, вероятно, связано с разрушением стен усадьбы. Исключать нали-

чия дополнительных укреплений с западной и северной стороны (рва и каменной стены / вала) без проведения раскопок преждевременно. В береговом обрыве в юго-западном углу городища, в непосредственной близости от западной стенки квадрата 1, фиксируется резкое падения уровня материка характерной для рва формы (рис. 19).

* * *

Начало исследований городища Джан-Баба позволили получить первые сведения о строительных горизонтах укрепления.

О существовании на этом месте херсонесской усадьбы могут говорить несколько фактов. Во-первых, это находка в 1964 г. А.Н. Щегловым шести фрагментов рустованных квадров [Щеглов, 1978, с. 60]. Во-вторых, обнаружение в завале камней заготовки блока со следами обработки орудиями, которые характерны для раннеэллинистического времени⁷, а также фрагмент стен-

7. Благодарю д. и. н. А.В. Буйских за консультацию.

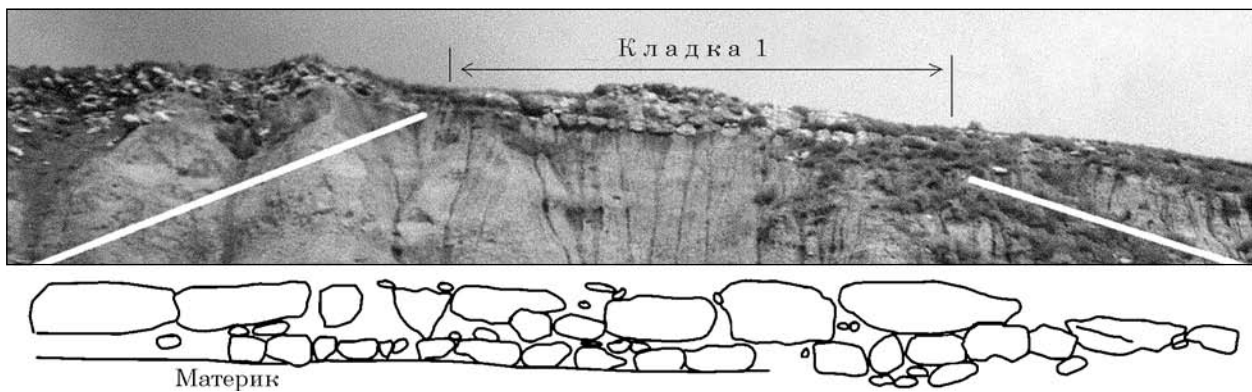

Рис. 19. Фото и фассировка кладки в береговом обрыве (по: [Приднев, 2004])

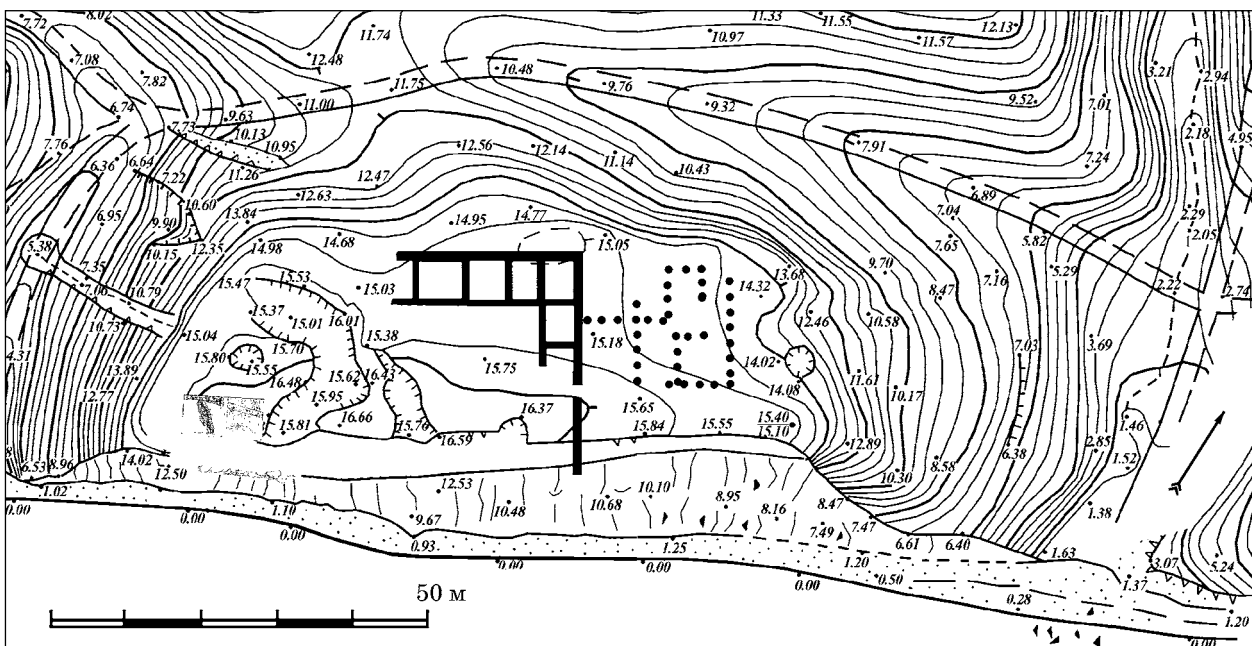

Рис. 20. Реконструкция планировки застройки городища Джан-Баба

ки чернолакового сосуда в слое 5. Циклопическая кладка в береговом обрыве достаточно точно коррелируется с контурами усадьбы, очерченными по результатам геомагнитной съемки Т.Н. Смекаловой (рис. 20). Усадьба, судя по всему, относится к усадьбам-катагогионам по типологии А.В. Буйских [Буйских, 2008, с. 154—156]. Эллинистические слои не исследованы.

Раскрыты три слоя раннеримского времени. Древнейший из них (слой 5) частично исследован лишь в квадрате 2 с внешней стороны кладки 1. Находки представлены практически поровну фрагментами амфор (синопских, светлоглиняных, красноглиняных) и обломками лепных сосудов, часть из которых были лощеными. Из-за малочисленности материалов делать какие-то обобщения о данном горизонте преждевременно. В данном слое под глинобитным полом помещения были обнаружены два погребения младенцев в амфорах.

Колхидская амфора датируется широко (конец II в. до н. э. — начало II в. н. э.). Красноглиняные амфоры производства Боспора или Херсонеса также не имеют узкой даты (I — начало II в. н. э.) [Уженцев, 2006, с. 33—34]. Синопские амфоры типа Син IVA также относятся С.Ю. Внуковым к концу I в. до н. э. — середине II в. н. э. (?) [Внуков, 2006, с. 167]. С учетом датировки вышележащего слоя не ранее конца I в. н. э., данный горизонт можно датировать в пределах второй половины столетия.

О ДЕТСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ В АМФОРАХ У ПОЗДНИХ СКИФОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Антропологические определения подтверждают мнение о том, что в амфорах зачастую хоронили лишь новорожденных возрастом до года [Гречко, 2010, с. 47—48]. По «взрослой» традиции детей начинали хоронить с года—двух. Захоронение детей в амфорах объясняют тем, что ребенок еще существо из «другого» мира и не является частью общества, поэтому его обратный переход упрощен [Garland, 1985, p. 77—103; Сорокина, Сударев, 2000, с. 194—198]. Поэтому можно предположить, что ребенок после года, который уже мог ходить и адекватно реагировать на окружающих, рассматривался как часть общества и хоронился в соответствии с его обычаями. Данная традиция появляется в Северном Причерноморье вместе с греками-колонистами в архаический период. Часто участки с детскими захоронениями у греков были расположены отдельно. Мировоззренческая основа этого обряда неоднократно разбиралась исследователями. Наибольшее распространение данная традиция получила у греков в архаический-эллинистический периоды [Лапин, 1966, с. 221—222; Зубарь, 1982, с. 50; Сорокина, Сударев, 2000, с. 199]. Именно от эллинов эта традиция была заимствована поздними скифами.

Захоронения детей в амфорах были характерны для крупнейшего эллинского центра данного региона — Херсонеса Таврического. Всего было исследовано 67 таких погребений, большая часть которых найдена в древнейшем могильнике конца V—IV вв. до н. э. (северный берег). Значительно меньшее число комплексов датируется римским временем [Зубарь, 1982, с. 50]. В первые века нашей эры, на фоне изживания данной традиции в греческих городах, аналогичный обряд получает широкое распространение в некрополе Танаиса [Шелов, 1961, с. 88], на городище у с. Козырка в Нижнем Побужье [Бураков, 1976, с. 138—140], в могильнике у с. Заветное в Юго-Западном Крыму [Богданова, 1963, с. 96], в святилище Таракташ II в Юго-Восточном Крыму [Потехина, 2009]. На территории Неаполя Скифского в слоях эллинистического и римского времени зафиксировано не менее 22 погребений детей в сосудах (чаще в лепных, реже в амфорах). Т.Н. Высоцкая указывала, что данный обряд не получил распространения на синхронных позднескифских памятниках, что было обусловлено меньшим греческим влиянием [Высоцкая, 1979, с. 169]. В.М. Зубарь отмечал, что в первые века нашей эры эта традиция была распространена среди смешанного населения и объяснял данное явление сильной эллинизацией негреческого населения Северного Причерноморья [Зубарь, 1982, с. 51].

На территории Северо-Западного Крыма данный обряд получил широкое распространение с классического периода. Древнейшие комплексы зафиксированы в некрополях Керкинитиды (с последней четверти V в. до н. э.), Калос Лимена, Заозерного и Панского I [Кутайсов, 2011, с. 47—48, 58—63; Рогов, 2011, с. 63]. После захвата усадеб херсонеситов около середины II в. до н. э. традиция захоронения детей в амфорах широко распространяется среди позднескифского населения. Интересно отметить, что захоронения младенцев совершались в подавляющем большинстве на территории поселений, а не некрополей, в отличие от эллинской традиции. Подобное погребение на территории могильника зафиксировано лишь однажды на Беляусе [Дашевская, 2014, с. 10—11]. Захоронения⁸ детей в могильнике Беляуса совершались в сходных или в одних и тех же погребальных сооружениях, что и взрослых. Захоронения детей в амфорах в позднескифских слоях широко представлены на городище Беляус [Дашевская, 2014, с. 11]. На территории Кульчукского некрополя найдено 18 подбойных и 1 плитовая детские могилы II в. до н. э. — I в. н. э. [Голенцов, 1994, с. 80—84]. На городище КараТобе данная традиция получает распространение в I в. до н. э. — I в. н. э., в то время как на территории некрополя она неизвестна [Внуков, 2013, с. 56—57]. Одно захоронение известно на Усть-Альминском городище [Высоцкая, 1994,

8. Судя по планам погребений, на территории некрополя хоронили детей в возрасте после одного-двух лет.

с. 25]. Интересно полное отсутствие захоронений детей в амфорах на Золотобалковском городище и могильнике [Вязьмитина, 1962; 1972].

Таким образом, можно говорить о проникновении от греков в позднеэллинистическое время традиции захоронения детей в сосудах в позднекифскую среду. Она была несколько видоизменена и погребения совершались преимущественно на территории поселений, а не могильников.

* * *

Наиболее полная информация получена о жилом горизонте (слой 4), который образовался в результате поспешного оставления позднекифского городища населением. Материалы и характер строительных остатков находят полные соответствия в стратиграфическом ярусе С5 Калос Лимена, который В.Б. Уженцев датировал концом третьей четверти I — началом II вв. н. э. На крупнейшем укреплении региона были прослежены глинобитные поверхности домов, перекрытые слоями глины (рухнувшие кровли) и мощными завалами камней, в которых массово встречаются панцири виноградных улиток. Для этого горизонта Калос Лимена также характерны трехслойные постелистые кладки как иррегулярные, так и созданные с соблюдением порядковки [Уженцев, 2006, с. 33—34, 104—105].

Находки представлены поровну фрагментами амфор синопских (30 %⁹), красноглиняных (15 %), светлоглиняных (2 %), колхидских (2 %) и лепных сосудов (48 %), а также обломками краснолаковой посуды (4 %).

Синопская амфора типа Син II из слоя 4, по мнению С.Ю. Внукова, является самой поздней из серии и не может быть датирована ранее конца I в. н. э.¹⁰ (рис. 10, 1).

Набор амфор, в целом, соответствует ассортименту в синхронных слоях Калос Лимена. К отличиям относится лишь малочисленность светлоглиняных узкогорлых амфор, что может быть обусловлено незначительной площадью раскопок.

Фрагмент краснолакового светильника с округлым рожком, украшенный многолепестковой розеткой в центре и поясом ов, находит аналогии в склепе 805 Усть-Альмы [Пуздровский, 2007, с. 187]. Подобные типы светильников датируются преимущественно концом I — первой половиной II в. н. э. [Вальдгауер, 1914, № 248; Левина, 1992, с. 50, № 82].

Краснолаковая керамика представлена фрагментами понтийской сигиллаты А. Наиболее выразительным является фрагмент чаши с туловом усеченно-конической формы и вертикальным бортиком с ребром в месте перехода стенок в бортик. Внутренняя поверхность сте-

нок украшена в технике «rouletting». По типологии Д.В. Журавлева, сосуд относится к форме 30.2 (форма V по классификации Дж. Хейса) и может быть отнесена ко второй половине I — началу II вв. н. э. [Журавлев, 2010, с. 60].

Фрагмент кубка с двумя прилепами от петлеvidной ручки имеет плавно отогнутый венчик без ребра. Край образован отогнутой стенкой, под которой сделана двойная кольцевая нарезка. По типологии Д.В. Журавлева, сосуд относится к форме 33 и может быть отнесена к последней четверти I — началу / первой четверти II вв. н. э. [Журавлев, 2010, с. 63—64].

Фрагменты посусферических мисок принадлежат глубоким сосудам со слабо загнутыми внутрь венчиками и скругленным краем. Данные сосуды можно датировать последней четвертью I — началом II вв. н. э. [Журавлев, 2010, с. 54].

В целом, весь комплекс понтийской сигиллаты А однороден в хронологическом плане и относится к последней четверти I — началу II вв. н. э. и аналогичен материалам Калос Лимена [Уженцев, 2006, с. 34, 224, рис. 89].

Трехлопастный черешковый наконечник стрелы находит аналогии в колчанном наборе из склепа 715 Усть-Альминского могильника, который датируется I — началом II вв. н. э. [Пуздровский, 2007, с. 368, рис. 94, 49, 50].

Фрагмент бронзового зеркала и стеклянного сосуда не противоречат датировке слоя концом I — началом II вв. н. э., однако, ввиду фрагментарности не могут быть привлечены для уточнения датировки.

Обращает на себя внимание значительное число целых лепных сосудов: восемь чаш на конических поддонах, лепной светильник, часть горшка и пиксиды. Данное явление обусловлено поспешным оставлением укрепления жителями и его последующим разрушением. Обилие лепной керамики характерно и для стратиграфического яруса С5 Калос Лимена [Уженцев, 2006, с. 34, 225, рис. 90].

Верхняя часть лепного горшка (рис. 7, 9) относится, по типологии В.П. Власова, к группе с биконическим туловом, максимально расширенным в средней части, плечи отделены от нижней половины острым или сглаженным ребром (тип 22), с туловом средних пропорций (подтип 2), с гиперболоидным горлом (вариант А). Аналогичные горшки найдены в слоях I в. н. э. Южно-Донузлавского, Булганакского городищ и Калос Лимена [Власов, 1999, с. 69, 235, рис. 17, 12; Уженцев 2006, рис. 90, 1—3]. Еще два фрагмента венчиков близки биконическим горшкам с максимальным расширением тулова в верхней части (тип 21, подтип 3) (рис. 7, 5) [Власов, 1999, с. 66, 234, рис. 16, 2].

Два фрагмента горшков со слабопрофилированным туловом близки горшкам с цилиндрическим горлом (тип 4, подтип 2, вариант С) (рис. 7, 3, 4). Подобные сосуды известны на Булганакском городище в слоях рубежа эр [Власов, 1999, с. 52].

9. От общего количества керамики из слоя.

10. Хочу выразить благодарность специалисту за консультации.

Лепные чаши относятся к группе сосудов на высокой подставке. Восемь изделий имеют расходящиеся или вертикальные края, полусферическое или усеченно-коническое тулово и усеченно-коническую ножку подставку (тип 7, вариант А). Подобные изделия датируются от III / II вв. до н. э. — II / III в. н. э. и являются отличительным признаком культуры поздних скифов [Власов, 1999, с. 140—141].

Интерес вызывает лепная чаша с четырехгранной чашечкой и ножкой (тип 7, вариант С) (рис. 11, 3). Аналогичные изделия известны в слоях и комплексах I — начала II вв. н. э. Булганакского городища и могильника Усть-Альма (склеп № 120). Данный тип чаш особенно многочисленен в Золотой Балке [Вязьмитина, 1962, с. 44, 45, 94, 214] и, по предположению В.П. Власова, данная форма, вероятно, была выработана приднепровскими скифами. После гибели своих поселений они привнесли данную традицию в Крым к поздним скифам, а несколько позднее и на Боспор [Власов, 1999, с. 141].

Лепная «шпиксида» (рис. 7, 1) имеет прямую аналогию в могиле 668 а Усть-Альмы [Пуздровский, 2007, с. 355, рис. 82, 7]. Лепной светильник (рис. 7, 2) относится к открытым без носика-слива с кольцевидной ручкой (тип 1, вариант С). Подобные изделия датируются I—III вв. н. э. [Власов, 1999, с. 128, с. 260, рис. 42, 22].

Таким образом, весь комплекс материальной культуры слоя 4 может быть датирован последней четвертью I — началом / первой четвертью II вв. н. э.

После разрушения укрепления, оно, по всей видимости, какое-то время либо периодически используется населением (слои 2—3). С этим слоем связана кладка «в елочку» (№ 2). Аналогичные кладки зафиксированы в первые века нашей эры в Золотой Балке [Вязьмитина, 1962, с. 107], а также на античных памятниках [Гайдукевич, 1952, с. 127]. Исследователи связывают их появление с варварской традицией [Крыжицкий, 1982, с. 138]. Кладка «в елочку» является позднейшим сооружением раннеримского времени из исследованных, которое было создано поверх завала камней и ниже лежащего «жилого» слоя. Создание данной кладки и малочисленные находки, вероятно, связаны с использованием развалин в качестве зимовий сарматами, как это предполагал для Калос Лимена В.Б. Уженцев [Уженцев, 2006, с. 135].

* * *

В результате катастрофических событий первой и третьей четвертей I в. н. э., связанных, вероятно, с походами боспорского царя Аспурга, римской военной активностью, действиями скифов Юго-Западного Крыма и примкнувших к ним сарматов прекращает функционирование значительная часть позднескифских памятников Северо-Западного Крыма [Уженцев, 2006, с. 132—134]. А.Е. Пуздровский отмечает малочисленность комплексов

II в. н. э., что говорит о слабой заселенности Северо-Западного Крыма. Это могло быть связано с оттоком населения в Юго-Западный Крым. Исследователь предполагает постепенное угасание оседлой жизни в данном степном регионе до середины II в. н. э. В это же время появляется группа полукочевого (?) населения, с которым можно связывать находки надгробных рельефов и стел с некрополя Джан-Бабы и Поповки [Пуздровский, 2007, с. 91]. Прекращение жизни на позднескифских городищах Северо-Западного Крыма в начале II в. н. э. связано с перемещением сарматских племен на запад. В это время нападением подвергаются и городища Нижнего Поднепровья.

Богданова Н.О. Могильник I ст. до н. э. — III ст. н. э. біля с. Завітне Бахчисарайського району // Археологія. — 1963. — Т. 15. — С. 95—109.

Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. — Симферополь, 2008. — 424 с. (МАИЭТ. — Supplementum. — Вып. 5).

Бураков А.В. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. — К., 1976. — 159 с.

Вальдгауер О.Ф. Античные глиняные светильники. — СПб., 1914. — 128 с.

Власов В.П. Этнокультурные процессы в Крыму в III в. до н. э. — IV в. н. э. по материалам лепной керамики: Дис. ... канд. ист. наук. — Симферополь, 1999. — 263 с.

Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. — II в. н. э. — СПб., 2006. — Ч. II: Петрография, хронология, проблемы торговли. — 318 с.

Внуков С.Ю. Раскопки на греко-скифском городище Кара-Тобе // АДУ 2012. — Київ; Луцьк, 2013. — С. 38—40.

Высотская Т.Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. — К., 1979. — 206 с.

Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. — К., 1994. — 207 с.

Вязьмитина М.И. Золота балка: Поселения сарматского часу на Нижньому Дніпрі. — К., 1962. — 240 с.

Вязьмитина М.И. Золотобалковский могильник. — К., 1972. — 190 с.

Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. // МИА. — 1952. — № 25. — С. 15—134.

Голенцов А.С. Охранные раскопки античного Кульчукского городища и могильника в 1989—1993 гг. // АИК 1993. — Симферополь, 1994. — С. 80—84.

Гречко Д.С. Некоторые проблемы изучения архаического некрополя Ольвии Понтийской // РА: sp. — 2010. — Vol. VI. — nr. 2. — С. 44—57.

Дашевская О.Д. Некрополь Беляуса. — Симферополь, 2014. — 284 с.

Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I—III вв. до н. э. — Симферополь, 2010. — 320 с. (МАИЭТ. — Supplementum. — Вып. 9).

Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. до н. э. — К., 1982. — 143 с.

Крыжицкий С.Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья: VI в. до н. э. — IV в. н. э. — К., 1982. — 163 с.

Кутайсов В.А. Курганный некрополь Калос Лимена. — К., 2011. — 240 с.

Ланцов С.Б. Отчет об археологической экспертизе территории около поселения Джан-Баба (Марьино) у села Марьино Окуневского сельсовета АРК. 2009 г. // НА ІА НАН України. — 2009/[6. н.].

Лалин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. — К., 1966. — 238 с.

- Лашков Ф.Ф. Камеральное описание Крыма, 1784 года // Изв. Таврич. ученой архивной комиссии. — 1888. — Т. 6. — С. 54.
- Левина Э.А. Античные светильники Одесского археологического музея (I—VI вв. н. э.). — Одесса, 1992. — 104 с.
- Потехіна І.Д. Поховання немовлят у горщиках біля святилища Таракташ II: антропологічний аспект // Археологія. — 2009. — № 2. — С. 50—54.
- Приднєв С.В. Работы Западно-Крымской экспедиции в 2002 г. // АБУ 2002—2003 рр. — К., 2004. — С. 50—54.
- Пуэдровский А.Е. Крымская Скифия. II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники. — Симферополь, 2007. — 493 с.
- Рогов Е.Я. Некрополь Панское 1 в Северо-Западном Крыму. — Симферополь, 2011. — 216 с. (МАИЭТ. — Supplementum. — Вып. 10).
- Смекалова Т.Н. Дистанционные и геофизические исследования поселений античной эпохи в северо-западном Крыму. — Симферополь, 2011. — 293 с. (МАКК. — Вып. V).
- Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Детские погребения Северного Причерноморья VI—III вв. до н. э. // Stratum plus. — 2000. — № 3. — С. 193—204.
- Уженцев В.Б. Эллины и варвары Прекрасной Гавани. — Симферополь, 2006. — 248 с.
- Шелов Д.Б. Некрополь Танаиса. — М., 1961. — 98 с. (МИА. — № 98).
- Шульц П.Н. Дневник полевых исследований 1933 г. // МАКК. — Симферополь, 2010. — Вып. III. — С. 13—24.
- Шульц П.Н. О работах Евпаторийской экспедиции // СА. — 1937. — № 3. — С. 253.
- Шульц П.Н. Евпаторийский район // Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг. — М.; Л., 1941. — С. 72.
- Шульц П.Н. Надгробный рельеф из с. Марьино // СХМ. — 1963. — Вып. III. — С. 3—10.
- Шульц П.Н. Дневник полевых исследований 1933 г. // МАКК. — Симферополь, 2010. — Вып. III. — С. 13—24.
- Соломоник Э.И. Надписи на стеле из с. Марьино // СХМ. — 1963. — Вып. III. — С. 10—15.
- Щеглов А.Н. Разведки 1959 года на западном побережье Крыма // СХМ. — 1961. — Вып. II. — С. 71—77.
- Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. — Л., 1978. — 153 с.
- Щеглов А.Н. 25 лет работ Тарханкутской экспедиции: итоги и перспективы // КСИА. — 1985. — Вып. 182. — С. 3.
- Garland R. The Greek Way of Death. — London, 1985. — 224 p.

Д. С. Гречко

ДОСЛІДЖЕННЯ ГОРОДИЩА ДЖАН-БАБА У ПІВНІЧНО- ЗАХІДНОМУ КРИМУ

У 2013 р. експедицією ІА НАН України було проведено перші розкопки на городищі Джан-Баба біля с. Мар'їно Чорноморського р-ну АРК. У південно-західній частині укріплення було закладено розкоп площею 50 м².

Під дерном та двома шарами суглинку було розчищено завал каменю, серед якого було зафіксовано тришарову кладку «у ялинку».

Під кам'яним завалом зафіксовано насичений знахідками шар, що залягав на глинобитній підлозі та був перекритий сирцевим завалом. Значна

кількість цілих форм посуду, вісім ліпних кубків, світильник, горщик, синопська амфора типу Син II вказує на те, що укріплення було поспіхом кинуте, а споруди спалені на початку II ст. н. е.

Глинобитна підлога перекривала суглинковий шар з домішками золи та сирця, у якому було зафіксовано два поховання немовлят у колхідській та червоноглиняній (Боспор чи Херсонес?) амфорах. Амфори були накріті дном ліпної посудини та днищем амфори типу Син IVa відповідно.

У розкопі було виявлено частину стіни. Кладка тришарова, постелиста. Каміні викладались як іррегулярно, так і з дотриманням рядності.

Знахідка у завалі каменів вторинно використаного обробленого будівельного блоку та фрагмент чорнолакової посудини дозволяють припускати виникнення укріплення, у якості херсонеської садиби, у ранньоелліністичний період. Досліджені нашарування відносяться до ранньоримського часу та датуються останньою чвертю I — першою половиною II ст. н. е.

К л ю ч о в і с л о в а: хора Херсонеса, пізньоскіфські городища, Північно-Західний Крим, еллінізм, ранньоримський час.

D. S. Grechko

THE INVESTIGATIONS IN THE FORTIFIED SETTLEMENT DZHAN-BABA IN THE NORTHERN- WEST CRIMEA

The expedition of the Institute of archaeology of NASU in 2013 has started excavations in the fortified settlement Dzhan-Baba near the village Mar'ino of Chernomorskiy region of ARK. The excavation sector was started in the Southern-West part of the fortification. Its space is 50 m².

There is a heap of rocks was cleaned under the turf and two layers of loam. The three layers wall with the shape of fir-tree was there. Under the heap of rocks the stratum with numerous finds was found. It located on the clay floor and was covered by the adobe heap. The numerous intact vessels eight hand-made cups, lamp, pot, sinopean amphora of the type Sin II) evidence that this fortification was hastily abandoned and its structures were burned in the beginning of the 2 century AD. The clay floor had covered the loam stratum with inclusions of ash and pieces of adobe bricks. There are two infant burials were fixed there. They were made in Kolhidian and red-clay Bosphorus or Chersonesos?) amphorae. These amphorae were covered by the bottom of hand-made vessel and by the bottom of the amphora of the type Sin Iva accordingly. There is a part of the wall was found in this excavation sector. This wall is three layered. Some stones were irregular.

The finds of secondary used worked rock and fragment of black-glazed vessel allow us to suppose that this fortification has appeared as Chersoneses farm in early-Hellenistic period. The excavated strata belong to the early-Roman period and could be dated by the last quarter of the 1 — first half of the 2 centuries AD.

Key words: Chersoneses chora, late-Scythian fortified settlements, Northern-West Crimea, Hellenistic period, early-Roman period.

Одержано 22.01.2015